А. А. Ераносян

РАЗЛАГАЮЩАЯСЯ МОДЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬИ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО: ОПЫТ ВИЗУАЛЬНОГО ОТОБРАЖЕНИЯ РОДОСЛОВНОЙ ПАМЯТИ В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

А Н Н О Т А Ц И Я. Статья посвящена изучению типологии родословных древ в армянской генеалогической традиции Советской Армении и анализу основных изобразительных практик. Родословное, или генеалогическое, древо — это схематично-графическое (с помощью скобок, линий, выравнивания по горизонталям или вертикалям и т. п.) представление родственных связей, родословной истории (в синхронном и диахронном разрезе) в виде условно-символического «дерева» — генеалогической таблицы, круговой концентрической таблицы, поколенной росписи и т. д. Тему предлагается рассматривать на пересечении двух основных исследовательских контекстов: исследование памяти и парадигмальное исследование поколений.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: родословное древо, историческая память, поколения, армянский аристократический род, кровнородственные группы, традиция, национальный символ

УДК 929.521

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-63-71

Е Р А Н О С Я Н А Р Г А М А Р Е Л С А Н О В И Ч — н.с. отдела антропологии современности, Институт археологии и этнографии НАН РА; Мемориальный комплекс Сардарапатской битвы, Национальный музей этнографии армян и истории освободительной борьбы (Армения, Ереван)
E-mail: agyeranos@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Родословное, или генеалогическое, древо — это схематично-графическое (с помощью скобок, линий, выравнивания по горизонталям или вертикалям и т. п.) представление родственных связей, родословной истории (в синхронном и диахронном разрезе) в виде условно-символического «дерева» — генеалогической таблицы, круговой концентрической таблицы, поколенной росписи и т. д. Как известно, у «корней» родословного древа обычно указывается родоначальник, на «стволе» — представители основной (по старшинству / по мужской) линии рода, а на «ветвях, листьях, плодах» — различных линиях родословия — потомки. В армянской генеалогической традиции прямым считается родство исключительно по мужской линии: от отца к сыну. Среди армян традиция родословных древ получила широкое распространение с XIX в. Это можно объяснить повышением уровня образованности населения и интереса к истории собственного рода.

Целью исследования является определение основной типологии родословных древ в армянской генеалогической традиции (в Советской Армении) и анализ основных изобразительных практик.

Основные исследовательские вопросы:

1. Какие типы генеалогических таблиц и изображений существуют в армянской документальной историографии?

2. Как исторические события влияют на типологию и символику («моду») родословных таблиц (национальные, религиозные, идеологические символы и т. д.)?

3. Каким образом социальная среда (город, село, семья, образование) влияют на создание родового древа?

Необходимо выделить определенную типологию существующих родословных таблиц в армянской генеалогической традиции. Родословные таблицы могут быть представлены в виде родословного древа (наиболее распространенный тип) или быть схематическими — круговыми или в виде таблиц. Также важно выделить предметы («документы»), на которых изображались родословные таблицы. Таблицы могли представлять собой как отдельные родословные книги (в основном рукописные), так и надгробные плиты с изображением генеалогической таблицы или древа, реликварии / Библии (родословные древа среди армян часто считаются семейными реликвиями, хранятся в «святом углу» дома, об этом свидетельствует, также, наличие следов воска на некоторых родословных таблицах). Наиболее важная типологизация предмета исследования — хронологическая. Условно можно выделить три периода создания генеалогических схем: 1) конец XIX — начало XX в.; 2) советский; 3) постсоветский.

Тема рассматривается на пересечении двух основных исследовательских контекстов: исследование памяти (поскольку речь идет о линейно передающейся информации в диахроническом разрезе) и парадигмальное исследование поколений. Каждая культура образует нечто, что можно назвать ее «коннективной структурой» (поколение). Она действует соединяющим, связующим образом, причем в двух измерениях — социальном и временно́м. Как символический мир смысла она связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации (Ассман 2004: 15). Согласно Карлу Мангейму, сущность поколения — это его участие в определенных событиях, на все поколение накладывают печать обстоятельства, которые разделили все его представители. Это ведет к вырабатыванию энтелехии данного поколения, выражению «общности его внутреннего предназначения, врожденного ему способа восприятия жизни и окружающего мира» (Мангейм 1998: 7).

Созданные в советский период родословные древа претерпели ряд идеологических влияний, на них появляются изображения, символы, которые можно рассматривать в рамках визуальной антропологии. Таким образом, можно сказать, что родовое древо — это визуальный образ истории не одной семьи, а семьи как носителя конкретных культурных кодов, важная предпосылка сохранения исторической памяти и восстановления прошлого (Colle, Malcolm 1986).

В рамках исследования мною был использован метод «устной истории» — интервью с владельцами, создателями генеалогических таблиц и методы исторической антропологии — анализ письменных документов (архивы), родословных таблиц из рукописных книг, артефактов с изображениями родословных древ (шкатулки, реликварии, подносы, надгробия). Для сравнительного анализа был привлечен визуальный и текстуальный материал 48 армянских родовых древ досоветского (5), советского (28) и постсоветского (15) периодов.

ЭТИМОЛОГИЯ

В армянской историографии родословные таблицы (*azgacucak* / *azga(h)amar* / *to(h)macucak* / *to(h)mativk* — досл. «родословные перечни», «системы генеалогических нумераций») известны еще с раннего Средневековья. В историографических трудах Мовсеса Хоренаци (Хоренаци 1990), Иоанна Драсханакертци (Драсханакертци 1984), Фомы Арцруни (Artsruni 1985) встречаются генеалогические перечни армянских княжеских родов (Мхитар Севастийский 1744: 7–8).

Княжеские фамилии средневековой Армении записывались в так называемые Гахнамаки и Зоранамаки — официальные грамоты, которые перечисляли роды в зависимости от критериев почета и значимости. В разное время историки упоминают различное количество армянских аристократических родов. Иногда речь идет о девяноста родах, иногда их число доходит до трехсот. Разумеется, со временем число аристократических фамилий менялось, так как аристократическое сословие довольно динамичная прослойка общества.

Родословные таблицы (круговые, в виде древа; рис. 1) нередко встречаются и в армянской средневековой миниатюре (Мнацаканян 1955: 301–303).

В армянском языке слова, обозначающие кровнородственную группу людей (род, династию) — *azg* / *to(h)m* — имеют древнеперсидские корни: *azg* — «ветвь, росток» (Ачарян 1925: 84–85), *tõ(h)m* — «семя, ветвь» (Ачарян 1935: 417). Таким образом, традиция изображения родословной в виде древа устойчиво сохраняется по сей день и имеет в своей основе этимологию древнеперсидских слов *azg* / *to(h)m*, а также хранит символическую коннотацию образа «мирового древа / древа жизни». Это неудивительно, поскольку символическое изображение «древа жизни» встречается в фольклоре, обрядах, в миниатюрах, на хачкарах (крест-камень), коврах, почти во всех формах проявления мифопоэтического мышления у армян (Абрамян, Демирханян 1985: 66–84), вплоть до современных сувениров, представляющих символы национальной идентичности.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Аристократическая генеалогическая традиция в Армении практически прервалась при советской власти, когда армянское дворянство было упразднено как сословие и подверглось гонениям. Многие представители дворянства были репрессированы, сосланы в колонии и трудовые лагеря либо вовсе расстреляны. Другие вынуждены были скрывать свое дворянское происхождение, меняя фамилии и скрывая родословную. Лишь немногим удалось сохранить семейную традицию, переселившись за пределы Армении.

Рис. 1. Матенадаран, рук. 3531, л. 335б

Отчасти именно по этой причине в рассмотренном мною материале (архив Института археологии и этнологии НАН Республики Армения, фонды НМЭ Республики Армения, Национальный архив Республики Армения), не встречались родовые таблицы / древа, созданные в 1920–1950-х гг. Минимальный интерес к родословным в ранний период советизации Армении можно также объяснить всеобщей тенденцией и советской идеологией искоренения родовых сословий и кулачества, а также построением коммунизма и идеологией дружбы и единства всех народов Советского Союза. Вместе с тем в это время разлагалась модель традиционной семьи и формировалась идеология новых маленьких семей. В том числе по этой причине в последующие десятилетия с размахом развивалось документирование родословных в связи с созданием родословного древа.

Постепенно в 1950-х и особенно в 1960-х гг. (время хронологически соответствует периоду «оттепели» и национальному пробуждению в Армении) начинает расти интерес к историческому прошлому, национальным символам и собственным корням (родовому происхождению). Число родословных таблиц начинает расти.

Уже в 1960–1970-х гг. генеалогические таблицы получают широкое распространение. Первые родословные в этот исторический период составлялись в виде графических таблиц, которые лишь в 1970-х гг. приобретают художественное оформление в виде древа. Графические таблицы

Рис. 2. Родословное древо Дарбинянов (1977 г.).
Архив Института археологии и этнологии НАН Республики Армения

с помощью линий, кругов и прямоугольников, имен (в основном по мужской линии) отражают структурную историю конкретного рода. Для рассматриваемого времени можно вывести определенную типологию таких таблиц, которая получает четкие очертания лишь в 1980-х гг.

Особенно интересны и информативны родословные 1970-х гг., которые уже выполняются в виде древа, имеют богатое художественное оформление, условные знаки и сопутствующий текст (короткую историю конкретного рода, то есть основную цель составления родословной; рис. 2). Условными знаками в родословных таблицах отмечаются имена погибших во время геноцида армян, не имевших (мужского) потомства, героев Второй мировой войны и т. п.

В 1970–1980-х гг. распространилась также традиция отмечания юбилея рода (фамилии). Хороший пример — 300-летие рода Тер-Аветисянов из села Брнакот[1]. Подобные мероприятия часто проводились с большим размахом и пафосом — создавались генеалогические древа, печатались родословные книги с хронологической историей рода, пригласительные билеты для всех живых представителей рода (рис. 3), организовывались собрания, составлялись приветственные речи для представителей рода и т. д.

Люди стали интересоваться своими историческими корнями, искать предков из знатных армянских родов. Следуя Бенедикту Андерсону, появление «представителя знатного рода/фамилии» — довольно устойчивый элемент националистического дискурса «воображаемого сообщества» (Anderson 2006: 32–33). Таким образом, национальное пробуждение отчетливо повлияло на распространение идеи представителя конкретного рода, выходца из конкретного района Западной / Восточной Армении. Последнее утверждение, можно объяснить также большим масштабом

[1] Родовое древо Тер-Аветисянов, 1680–1980 // НМЭА, инв. № 1649.

Рис. 3. Приглашение на 30-й юбилей репатриации рода Григорянов (1976 г.). ПМА 2013

аккумуляции идеи геноцида армян в 1960-е гг.[2] (параллельно бытовали истории о гонениях армян во время Шаха Аббаса I (1571–1629) и резне армян на территории Османской империи в конце XIX в.). Об этом свидетельствует сохранившийся на родословных таблицах текстуально-визуальный материал: изображения покинутого родного дома или переселения, упоминания изначальных мест исхода основателей рода и т. п. (рис. 4). Можно предположить, что все это повлияло на распространение новой генеалогической традиции в Советской Армении.

Особенно важно рассмотреть поколенческий дискурс и основную мотивацию собирания родословной истории. Как можно увидеть из небольших историографических текстов, приведенных параллельно родословным древам, во второй половине 1970-х гг. молодежь стала активно уезжать из деревни, получать высшее образование и основываться в городах (Ереван, Баку, Тбилиси). Причина этого — отсутствие паспортов у сельского населения СССР до 1974 г. В период с 1935 по 1974 г. колхозникам не разрешалось переезжать в другую местность, они были привязаны к колхозу и месту жительства. Колхозники (общая численность которых всех возрастов, по данным переписи 1959 г., составляла около 50 млн человек, или 20,5 % населения страны) (Всесоюзная перепись населения 1959) были лишены паспортов и свободы передвижения. После того как колхозникам стали выдавать паспорта, молодые люди резко стали уезжать из колхозов в города, где получали образование и устраивали свою жизнь в иных, более комфортных условиях.

Таким образом, в результате анализа сохранившихся текстов к родословным таблицам 1970–1980-х гг. можно выявить, что очень много молодых людей исходя из жизненных условий и новых профессий, неактуальных в деревне, покидают деревню и основываются далеко от родного села. Они с легкостью забывают о происхождении своего рода, а за этим следует катастрофическое явление — отчуждение от рода.

В генеалогических текстах можно найти подробные сведения о выбранных профессиях / традиции наречения имен в конкретный исторический период, количестве потомков в каждом

[2] С 1968 г. в Армении начали проводиться мемориальные мероприятия, посвященные памяти жертв геноцида армян.

Рис. 4. Генеалогическое древо рода Шаро, переселившегося из города Салмаст в Восточную Армению в 1828 г. ПМА 2013

поколении и т. д. Также в них с наибольшей подробностью и уважением выделяются имена погибших во время Великой Отечественной войны и людей, внесших большой вклад в построение коммунизма в селах/колхозах.

Со второй половины 1980-х гг. концепт исторической памяти был снова выдвинут на первый план. Историческая память — это один из наиважнейших факторов, определяющих нацию и национальное самосознание. Он основывается на опыте и знаниях конкретного народа и эпизодах его реального или воображаемого исторического прошлого (Марутян 2005: 55). В примечаниях к одной из родословных 1990 г. можно встретить такую надпись: «Генеалогическая хронология и родословные древа способствуют самопознанию, познанию собственного народа, единству».

Одни воспоминания, социально санкционированные, интересующие не только определенного индивида, но и все общество, затвердевают и передаются от одного члена общества к другому, а уже на основе этого социально-мемориального каркаса каждый индивид «припоминает» или «реконструирует» (то есть строит по модели, заданной не прошлым, а нынешним обществом) все прочие воспоминания. Опорные, базовые социальные воспоминания, образующие «рамку», — это социальные «ориентиры»: рамку воспоминаний образуют пространство, время и язык, то есть внешние, действительно обрамляющие формы (Хальбвакс 2007: 65).

Воспоминание о прошлом есть активный, конструктивный процесс, а не просто воссоздание информации. Помнить означает помещать часть прошлого в систему взглядов и обслуживания

нужд современности (Schwartz 1982: 374–402). Для исследования памяти важно не столько то, как происходило определенное событие, а то, как люди помнят его и/или что помнят. Уплотненным проявлением этого очень часто являются именно родословные таблицы. Для того чтобы понять современные события, люди мысленно путешествуют в недалекое (услышанное от родителей, дедушек-бабушек, знакомое из учебников и художественной литературы) историческое прошлое, ищут там сравнения и именно с помощью сравнений эти тексты становятся более понятными, доступными, воспринимаемыми (Марутян 2013: 6). Истории родословных и генеалогических древ непосредственно связанны с коллективной и исторической памятью, что, в свою очередь, указывает на их место и роль в структуре армянской идентичности.

Таким образом, если обобщить наш пилотный анализ генеалогического текстуально-визуального материала 1960–1980-х гг., можно отметить, что параллельно с возникновением идеологии движения народного пробуждения распространялся интерес к собственным историческим корням и происхождению. С помощью родословной происходило конструирование и реконструирование прошлого, коллективных воспоминаний и трансляции опыта (Хаттон 2004: 39–41).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2013. Армавир; Ереван, Республика Армения.

Абрамян Л., Демирханян А. Мифологема близнецов и мировое дерево // Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1985. № 4. С. 66–84.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Ачарян Р. Корневой словарь армянского языка. Ереван, 1925–1935. Т. 1–7 (на арм. яз.).

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Приложение Демоскопа Weekly. № 813–814. 6–19 мая 2019 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3 (дата обращения: 20.05.2019).

Драсханакертци О. История Армении. Ереван, 1984.

Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.

Марутян А. К вопросу об иконографическом восприятии памяти Первой мировой войны в армянской действительности // Историко-филологический журнал. 2013. № 1. С. 3–21.

Марутян А. Память о геноциде как фактор формирования новой идентичности (конце 1980-х — начало 1990-х годов) // Историко-филологический журнал. 2005. № 1. С. 55.

Мнацаканян А. Армянское орнаментальное искусство. Ереван, 1955. С. 301–303 (на арм. яз.).

Мхитар Севастийский. Новый Айказянский словарь. Венеция, 1744. Т. 1 (на арм. яз.).

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 39–41.

Хоренаци М. История Армении. Ереван, 1990.

Anderson B. Imagined Communities. London; New York, 2006.

Artsruni T. History of the House of Artsrunik. Detroit, 1985.

Colle J., Malcolm C. Visual Anthropology as a Research Method. Albuquerque, 1986.

Schwartz B. The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // Social Forces. 1982. Vol. 61, № 2. P. 374–402.

THE DECAYING MODEL OF TRADITIONAL FAMILY AND THE GENEALOGICAL TREE: THE VISUAL REPRESENTATION OF GENEALOGICAL MEMORY IN THE SOVIET ARMENIA

A B S T R A C T. The article discusses the typology of genealogical trees in the genealogical tradition of Soviet Armenia and analyzes the major practices of their representation. Ancestral or genealogical tree is a schematic and graphic (involving brackets, lines, horizontal and vertical aligning, etc.) representation of kin relations and genealogical history (from synchronic and diachronic perspectives), which takes the shape of a symbolic "tree" — a genealogical table, concentric ring table, generation catalogue, etc. The author suggests looking into this topic in the two major research contexts: memory study and paradigm study of generations.

K E Y W O R D S: genealogical tree, historical memory, generations, Armenian aristocracy, blood kin groups, tradition, national symbol

A R G A M A. Y E R A N O S Y A N — Institute of Archeology and Ethnography National Academy of Sciences; National Museum of Armenian Ethnography and History of Liberation Struggle in the Memorial Complex of Sardarapat Battle (Republic of Armenia, Yerevan)
E-mail: agyeranos@gmail.com